

Сказано все это ещё неуклюже, метр выбран неудачно, корыстная просьба о покровительстве проглядывает слишком обнаженно, но, хоть и *неумело* и вульгарно, Юнкер выразил здесь в первый раз то, что талантливо и умно он выразит в 1742 г. и что Ломоносов в 1747 г. превратит в величественный русский вариант замечательного мифа классической поэзии, мифа о странствующем едином Разуме.

Возможно, что как-то соотносится петербургско-немецкой поэзии одна особенность трактовки темы «Россия» у Ломоносова. Он никогда не называет по имени населяющие ее народы, хотя неоднократно говорит о «многих» и о «разных» народах:

где многие народы тщатся...

(I, с. 187)

народы многие поя...

(II, с. 265)

согласно разные языки...

(I, с. 99)

но се различные языки...

(I, с. 133)

Точь-в-точь так же поступают немцы, например Штелин в 1755 г.:

Wo ist ein Volk, ein Land, ein Kaysertum, ein Reich...
Der so viel Völkerschaft in einer Macht vereint...⁷³

(II, примеч., с. 132)

Вряд ли здесь взаимовлияние (хотя напрашивается объяснение: немцы не знают, как вместить в немецкий стих башкиров и тунгусов, а Ломоносов механически им следует!) — это совпадение, происходящее из относительно единообразного взгляда на цивилизацию. Музам предстоит открыть этим народам единую науку. «Где нет ни правил ни закону — премудрость тамо зиждет храм». Этнографические различия и этнографический колоризм бледнеет перед этим цивилизаторским откровением единства разума. У немцев это черта психологии касты, цеха, ученой профессии; у Ломоносова — пафос универсального единства всечеловеческой науки. Иное дело империльный этнографизм Державина; ему нужен будет яркий перечень народов, этнографический каталог. Это отличие (типическим для классицизма образом) устоит и застынет. «Многие народы» станут сигналом ломоносовского

⁷³ «Где найдется такой народ, такая страна, такая держава, такое государство... Которое бы так много народов объединило под единой властью» (нем.).